

ЭО, 2011 г., № 5

© В.В. Тишин

КАЗАКЛЫК КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ¹

Ключевые слова: казакование, казак, военизированная группа, курень, орда

В современной историографии номадизма, в основном, отрицается возможность становления политических институтов у кочевнических обществ за счет внутреннего развития. При этом отмечается статичный характер их общественной организации, облаченной в текучую родоплеменную оболочку. Однако совокупность этнографического, сравнительно-исторического и лингвистического материала позволяет выделить особое социальное явление в кочевнических обществах, которое можно условно назвать тюркским термином *казаклык* (*казакование*), заключающееся в существовании некоторого рода маргинальных элементов, исключенных из господствующей системы общественных отношений, основанной на родоплеменных институтах. Они являют собой иную, более прогрессивную, форму общественной организации, развивающуюся по иным законам.

В IV в. н.э. в Центральной Азии сложилось мощное кочевническое политическое объединение, известное по источникам как *жоу-жань* 柔然 (*Крадин* 2007: 146–173). Начало жоужаньского каганата восходит к образованию военизированной группы, собранной Чэ-лу-хуем 車鹿會, сыном беглого невольника (*ну* 奴) Ю-цзю-люя 郁久閭, который и дал ей название [Вэй шу, цз. 103, с. 1а–1б] (*Материалы* 1984: 267; *Бичурин* 1950: 184). Как писал А.Н. Бернштам, “возможно, что мы имеем здесь дело с организацией, возникшей из разных племенных образований и беглых китайских крестьян” (*Бернштам* 1951: 127).

Один из потомков Чэ-лу-хуя, Шэ-лунь 社崙 в 394 г. покончил с внутренними смутами, победил внешних врагов и после этого установил суровые военные законы. По его постановлению, 1000 человек составляли отряд (*цзюнь* 軍), во главе с определенным начальником (*цзян* 將), 100 человек составляли знамя (*чуан* 幢), во главе которого ставился вождь (*шуай* 帥). Тому, кто первым врывается во вражеские ряды, жаловалась добыча и пленные, дезертиров же забивали камнями в голову или били батогами. Число воинов начальники считали при помощи овечьего помета [Вэй шу, цз. 103, с. 3а] (*Материалы* 1984: 269; *Бичурин* 1950: 186–187; *Кычанов* 1997: 75).

Стремительно покорив обширную территорию протяженностью от границ Кидани и приморских ши-вэй на востоке до Карашара на западе и от оз. Байкал и верховий р. Амур на севере до пустыни Гоби на юге, Шэ-лунь принял титул *кэ-хань* 可汗, т.е. каган [Вэй шу, цз. 103, с. 3б].

Дальнейшая известная науке история жоужаней – это история могучего, постоянно воюющего политического объединения.

Характерно, что у жоужаней “государь и вельможи при жизни получали почетные наименования по делам” [Вэй шу, цз. 103, с. 3б] (*Бичурин* 1950: 187; *Материалы* 1984: 269), т.е. их общество имело строгую иерархическую структуру. Один из предводителей за неудачи был убит своими приближенными. Вместо него был поставлен более удачливый в ратных деяниях его дядя [Вэй шу, цз. 103, с. 12а] (*Материалы* 1984: 278; *Бичурин* 1950: 195–196).

В этой связи интересен тот факт, что в сер. I тысячелетия н.э., согласно реконструкции С.Е. Яхонтова, сочетание иероглифов *жоу-жань* 柔然 передавало звучание *nōnōr. По замечанию С.Г. Кляшторного, этот термин обозначал тогда “некую группу

Владимир Владимирович Тишин – студент исторического факультета Владимирского государственного университета; e-mail: tihij-511@mail.ru

степной вольницы, возглавляемую оторвавшимся от своего рода вождем”. Позднее для обозначения таких групп стал использоваться тюркский (кыпчакский) термин *казак*, “этимология которого неясна” (*Кляшторный, Савинов* 2005: 58). С.Г. Кляшторный видит в его семантике тождество с монгольским словом *nökör*, изначально, как показал Г. Дёрфер, имевшим значения ‘второй, следующий, другой’, впоследствии обозначавшим военные дружины, складывавшиеся вокруг ханов (*Doerfer* 1963: 521–526). Замена звука *-k-* на *-n-* обусловлена, по мнению С.Г. Кляшторного, звукоподражательной прогрессивной ассимиляцией согласного, используемой китайцами для максимальной адаптации чужого слова для его воспроизведения в собственном языке (*Кляшторный, Савинов* 2005: 58).

Эта гипотеза достаточно убедительна. На связь термина *nökör* со словом *nöközir~nögüge* (*nökö* ‘e’)² ‘следующий, другой’ осторожно указывал еще Вл. Котвич (*Котвич* 1962: 108), а предложенная С.Е. Яхонтовым транскрипция комбинации *жоужань* 柔然, подтверждается реконструкциями других исследователей. По Э.Дж. Пуллиблэнку, она выглядит как *ɲiw *ɲwian (*Pulleyblank* 1991: 267, 265), а по системе С.А. Старостина (*Старостин* 1989) передается как *nəw *nar. В.В. Напольских, упростив чтение Э.Дж. Пуллиблэнка на *ɲiw **ɲi, an*, полагает возможным сопоставить его с самоназваниями тунгусо-маньчжурских народов Приамурья (нанайцев, орочей, ульчей, ороков), образованных от *nā* ‘земля, местность’: *nānūi, nāñi, nāñi, nānaj* (*Хелимский* 2003: 11). Предпочтение одному из звуков *-r, -n* и *-j* и их соотношение при реконструкции конечных согласных (терминалей) в древне-, как и в среднекитайском языке остается актуальной проблемой филологии, но в нашем случае это, скорее всего, именно *-r* (*Старостин* 1989: 338–342).

Характерно, что держава Чингисхана также была основана при помощи лично верной вождю военизированной структуры (*nököd*). До ее образования в монгольском обществе существовала некая социальная категория т.н. ‘людей свободного состояния’ (*düri-yin gü’ün*) (СС: §§ 191, 224). Это *бай шень* 白身, по китайскому чтению, т.е. “белотелые”, под чем, как полагает П. Кафаров, подразумеваются “люди, не занимающие никаких должностей, не из неблагородных” и не противопоставлявшиеся ‘черной кости’ (*хараси*) (*Палладий* 1866: 215 прим. 368). Б.Я. Владимирцов относил их к своеобразному “среднему классу”: членам родов, не входившим в состав аристократии, свободным и *унаган богол’ам*, добровольно примкнувшим к Чингисхану (*Владимирцов* 2002: 414). Л.Н. Гумилев следовал буквальному переводу их названия “люди длинной воли” и считал их отделившимися от родовых куленей удальцами, добывавшими себе пропитание одиночной охотой, рыбалкой и разбоем, объединяясь в группы с демократическим управлением. По мнению ученого, именно они являлись наиболее заинтересованным слоем в объединении разрозненных степных племен и основной движущей силой этого процесса (*Гумилев* 2006: 146–147).

Т.И. Султанов, специализировавшийся на позднесредневековой мусульманской историографии, обнаружил в тюркоязычных и ираноязычных источниках тюркское существительное, обозначающее образ жизни вольного человека, *казакалык*, т.е. ‘казакование’, ‘скитальчество’, ‘вольность’ (*Кляшторный, Султанов* 1992: 251; 2000: 237).

Согласия в отношении первоначального значения и этимологии слова *казак* в историографии не было изначально и нет сейчас³. По И.Г. Андрееву, *казак* означает “отпавший или ушелец” (*Андреев* 1998: 26). А.И. Левшин указывал, что со времен Фирдоуси в мусульманских источниках казаками называют “всякую толпу наездников, вооруженную копиями, и занимавшуюся ремеслом *подлинных казаков* [курсив наш – Авт.], т.е. разбоями и нападениями на соседственные земли” (*Левшин* 1996: 152–153). Е.К. Мейендорф писал, что *казак* означает «“всадник” – по мнению одних, “воин” – по мнению других» (*Мейендорф* 1975: 43). А. Вамбери противопоставлял термин *казаки* (*gezek il*) термину *сотру* или *сотиу-ил*, означающему “оседлый народ” (*Vámbéry* 1879:

133). В.В. Бартольд переводил этот термин как “разбойник”, “мятежник”, “авантюрист” (Бартольд 1968). В другом месте ученый писал, что *казак* означает “разбойничью вольницу, порвавшую с державой, родом, племенем” (Бартольд 1963: 265). Таким образом, в основе всех этих определений лежит образ жизни.

Однако еще Ч.Ч. Валиханов отмечал, что “под казаками издавна разумелись у среднеазиатских авторов бесприютные беглецы, которые *по самому свойству кочевого быта* [курсив наш – Авт.], при слиянии своем в политический союз или народность, могли войти в такой союз не отдельными личностями, а целыми родами, народами или, по крайней мере, аулами, со стадами, юртами и табунами. В этом состояло существенное различие среднеазиатского казачества от русского, образовавшегося из отдельных личностей” (Валиханов 1985б: 197–198).

Т.И. Султанов, по нашему мнению, наиболее четко обозначил понятие казачества. *Казак*, по Т.И. Султанову, – это “всякий вольный человек, отколовшийся от своего народа и племени, своего сеньора и законного государя и принужденный вести жизнь искателя приключений” (Кляшторный, Султанов 1992: 250; 2000: 236). Присоединявшийся к казаку в его образе жизни мог зваться *казакдаш* (*казак* + *-даш*~*-таш* – имяобразующий тюркский аффикс со значением определенной общности). В мусульманских источниках встречался термин для обозначения обществ казаков *джама’ат-и казак* (Кляшторный, Султанов 1992: 252; 2000: 238).

Т.С. Жумаганбетов, автор одной из последних связанных с данной тематикой работ, рассматривает *казаков* как изгнанников, подвергавшихся наказанию за преступление. Они объединялись в общины, которые автор представляет как преступные сообщества, занимающиеся разбоем. В то же время они могли поступить на службу к какому-либо господину в качестве дружинников (Жумаганбетов 2003: 157).

Сегодня мы знаем, что особенностью общественной организации кочевников была ее многоступенчатость и иерархичность, а также неустойчивый, текучий характер связей между сегментами различного уровня, каждый из которых был представлен некоторой хозяйственно-социальной единицей. Слияние, переформирование старых и образование новых единиц происходило с потрясающей динамикой, и это был естественный, экологически обусловленный процесс (Перици, Хазанов 1979; Хазанов 2002: 218–221). Выделение новых общностей, бывших сегментами структур более высокого уровня, могло происходить по разным причинам (природные, экономические или политические катаклизмы). Но эта возникавшая новая группа на время как бы выпадала из привычной системы социальных связей, а, следовательно, сложившейся системы землепользования. Поэтому некоторое время она вынуждена была вести более агрессивный образ жизни, чтобы отстоять свои интересы. Такие группы и называли *казаками*, а русскими учеными именно на основании своего образа жизни они рассматривались как “бродяги”, “разбойники”, “мятежники” и т. д. Иначе говоря, *казаки* – это своеобразные маргинальные элементы, сегменты переходного состояния. Ч.Ч. Валиханов рассматривал их наличие как обыкновенное социальное явление.

Такие группы не раз впоследствии становились ядром будущего кочевнического государства. Самый яркий пример тому – жоужане.

Чтобы понять механизм организации таких групп, нужно обратиться к сравнительно-историческому материалу на примере кочевников Нового времени. В качестве таких боевых групп могут быть рассмотрены туркменские аламань.

«Главное дело в жизни туркмена – это аламан, т.е. товарищество по грабежу, или чапаул, т.е. нападение», – писал А. Вамбери (Вамбери 2003: 239). Туркмены перед отправкой в аламан организовывали народное собрание (*джум-гурие*) под председательством старейшины, где присутствовали все способные носить оружие (Андреев 1902: 115–117). Участники аламана избирали предводителей – сердарей, которым в торжественной обстановке приносили присягу. Предводители же, в свою очередь, были ответственны за разработку плана мероприятия (там же: 121), а также, судя по всему, за

раздел добычи (*Вамбери* 2003: 239; *Андреев* 1902: 125). Видимо, отличившиеся в походе могли получить звание *батыра* и стать авторитетными предводителями (*Вамбери* 2003: 241–242; *Андреев* 1900: 526; 1902: 109). Мы, таким образом, можем отметить такие характерные особенности этих отрядов как *исключительно военизированная структура и демократический характер управления*.

Именно для периода кризиса родоплеменных институтов характерен расцвет новой социальной группы, именуемой у казахов как *батыры*. Титул *батыра* давался удачным в военном деле всадникам (*Мейендорф* 1975: 41). По Н.П. Игнатьеву, это означает “богатырь, удалой киргиз, наездник лихой” (*Игнатьев* 1897: 60 прим. 38). П. Пичугин приравнивает смысл слова *батырь* к слову *молодец* (*Пичугин* 1872: 27). Как пишет Е.И. Бланкеннагель, “кто из них оказал более грабежей, тот получает почетное название батыря, слово, означающее богатыря” (*Бланкеннагель* 1858: 8). По указанию других авторов, *батыры* заслуживали свой авторитет, в большей степени, лихачеством во взаимных набегах и барантах (*Левшин* 1996: 328; *Северцов* 1860: 32–33). “В батыре, удалце, ценится и телесная сила, а из нравственных качеств – находчивость и хладнокровие; он не должен никогда терять присутствие духа, но его похвалят за избежание битвы, если и так можно поживиться на счет врага, и не осудят за бегство перед неприятелем, если оно выгоднее боя”, – писал Н. Северцов (*Северцов* 1860: 30–31). Н. Северцов также описывает интересное явление, заключавшееся в наличии в казахском обществе людей, “для которых не награбленный скот, а процесс баранты составляет наслаждение”, которых он сравнивает с кондотьерами; они “перекочевывают из рода в род, ища баранты”. Их ценят как своеобразных специалистов (там же: 32). Кроме того, М. Алиханов-Аварский приводит описание могилы *батыра*, говоря, что это четырехугольное белокаменное здание с коническим куполом, внутри ни чем не украшенное. Он пишет, что казахи очень почитают “гробницы народных героев” (*Алиханов-Аварский* 1899: 83–84). Характерно, что когда российские власти, желая произвести административное разделение Кіші (Малого) жуза, пытались сделать это посредством идеологической агитации старейшин и народа, минуя хана и султанов, одна из возбужденных народных группировок избрала в руководство *батыра* (*Левшин* 1996: 267). Именно такие военные предводители часто оттесняли на задний план родовых старейшин (*Перици* 1994: 194). Иначе говоря, мы видим *появление новой социальной группы, возникающей вне системы родоплеменных институтов*.

Б.Я. Владимирцов удачно назвал кочевых предводителей “эфемерными вождями неопределенных групп с неопределенной, всегда оспариваемой властью”, сравнивая их с “атаманами разбойничьих шаек”, избираемых “для наездов, набегов, разбоя” (*Владимирцов* 2002: 376). Приведенный выше материал как раз говорит в пользу мнения о том, что казахские и туркменские вожди, – бии, ханы и др., – выросли из военных предводителей – *батыров* (*Перици* 1994: 149). У туркмен, к тому же, известны случаи, когда титулы и звания присваивались произвольно (*Туркмены* 1872: 74–75).

Таким образом, на материале приведенных примеров мы можем видеть наличие в кочевнических обществах особой социальной категории людей, находящихся вне системы родоплеменных отношений и образующих маргинальные военизированные объединения. Составляемые ими группы являют собой новую форму общественной организации.

Помимо приведенного материала письменных и этнографических сведений можно привлечь также данные лингвистических источников. С.Е. Толыбеков указывает, что слово *казак* образовалось от *кецак* ‘беглец’ (*Толыбеков* 1959: 161), восходящего к *коч*. Характерно, что термином *коч* у казахов обозначался привал примерно через 25 верст (*Валиханов* 1985а: 36), равно как и “расстояние, проходимое верблюдом без отдыха, называют туркмены *кочь* – переход” (*Туркмены* 1872: 79). Г.И. Султанов пишет, что от слова *коч* ‘переезд, переселение, кочевка, а также стоянка лагеря во время военных действий и переход с одной стоянки на другую, т.е. суточная норма походного движе-

ния' происходит и само слово *кочевник* (*кочебе*) (ср.: *кочетмек*, *кочмек* 'переселиться, перекочевать') (*Кляшторный, Султанов* 2000: 243. Ср.: *Doerfer* 1967: 631; EDPT: 694). Впервые этот корень со значением 'передвигаться' встречается в форме *keč-᳚* в памятнике Тоньюкука [Тон, 25, 35, 44] (*Малов* 1951: 62, 63, 64), а также в стеле Кули чора [КЧ, 16] (*Малов* 1959: 26, 27), Хошо-Цайдамских надписях [КТ6, 37=БК, X, 27; КТ6, 39; БК, X, 26, 30, 41; БК, Ха, 1; БК, Х6, 3] (*Малов* 1951: 32; 1959: 12, 16, 17) и надписи Могойн Шине Усу [МШУ, 16, 36] (*Малов* 1959: 31, 33, 35, 37), затем дважды фиксируется в форме *köč-᳚* в Терхинской стеле [Тер, 4, 5] (*Кляшторный* 1980: 89, 90). Такое же значение и форма фиксируются у Махмуда Кашгарлы (ДТС: 311) и Йусуфа Баласагуни (*Erdal* 1977: 88). Э.В. Севортян и И.В. Кормушин указывают исходной формой как глагольную, так и именную *köč, **köč-* со значениями 'кочевье', 'кочевка', 'кочевать' (ЭСТЯ, 1980: 90–91; СИГТЯ 1997: 489–490).

Этимологизация термина *қазақ* от этого корня предполагала бы начальную форму *kezäk с дальнейшим расширением корневого *-e-* и регрессивным ассимилирующим влиянием корня на гласный аффикса, что маловероятно. К тому же не представляется возможным обстоятельно объяснить переход корневого гласного *-č-* в *-z-*.

В этом свете нам интересен целый смысловой ряд значений данного корня в различных тюркских языках, который может быть представлен следующими словами⁴: уйгурск., чагатайск. *köč* 'перекочевка, переселение, путешествие, караван' (*Радлов* 1899б: 1286–1287), казахск. *köш* 'перекочевка' (там же: 1304), алтайск., телеутск., лебединск., татарск., кыргызск., уйгурск., чагатайск., вост.-тюрк., караимск. *köч* 'перекочевать, переселиться, переехать, отправиться' (там же: 1287–1288), барабинск., чулымск., тобольск., куманск. *köч* 'перекочевать, переселиться' (там же: 1291), сагайск., койбальск. *kös* 'переселиться, кочевать' (там же: 1293), казахск., шорск. *köш* 'переселиться, перекочевать' (там же: 1304), алтайск., телеутск., лебединск., татарск., кыргызск., чагатайск., вост.-тюрк. *köчүр* 'переселить, перевести' (там же: 1289), караимск. *köчтүр* 'переселить, перевести' (там же: 1290), уйгурск. *köчяр* 'перевести, переселить', *köчүт* 'увести' (там же: 1290), куманск. *köчяр* 'перевести' (там же: 1291), чулымск. *köзүр* 'переселить, перевести' (там же: 1291), а сагайск. *köзүрүс* 'помочь при переселении, кочевке' (там же: 1303), казахск. *köшүр* 'заставить перекочевать' (там же: 1306), телеутск., алтайск., лебединск. *köчкүн* 'передвижение' (там же: 1290), крым.-татарск. *köчүр* 'кочевник' (там же: 1289), барабинск. *köчкүн* 'кочевник' (там же: 1291), казахск. *köшäгән* 'кочующий, находящийся на кочевке' (там же: 1305), *köшүң* 'кочевка, кочевой', *köшпөлү* 'кочевник' (там же: 1307).

Характерно существование одного из значений османск. *koşucu* 'беглец' (*Радлов* 1899а: 642) от оглушенного варианта *koş* 'бегать за кем, бегать', а также 'дойти до' (там же: 638. См. также: 639, 642, 643, 645).

В этом же наречии существует фонетически близкое *koşu* 'всякая вещь, состоящая и в порядке сложенная из нескольких вещей' (там же: 640). Иначе говоря, в семантике корня заложены два признака: нахождение в порядке и сложный состав.

В связи с первым признаком можно привести целый ряд близких по фонетике и семантике словарных форм. Это следующий ряд значений корня *koş-*: барабинск. *koşlai* 'в один ряд' (там же: 644), шорск. *koşta* 'рядом, в ряд', *koşтан* 'быть рядом, сообщаться' (там же: 645), телеутск. *koşтой* 'в один ряд, рядом', *koşтон* 'быть рядом, образовывать ряд' (там же: 645), *koşмок* 'сложение, склад' (там же: 645). Значение последнего слова пересекается с приведенным выше османск. *koşu*, что, несомненно, объединяет эти корни и позволяет говорить о единой семантике.

В связи с семантическим значением сложного состава предметного значения приведенных слов набирается также еще целый ряд словарных форм: османск., чагатайск. *koşун* 'придаваться, примешиваться, присоединяться' (там же: 641), телеутск., лебединск., алтайск., шорск., вост.-тюрк., османск., чагатайск. *koş* 'прибавить, присоединить, примешивать' (там же: 637), в двух последних диалектах отсюда – *koşанды*

‘прибавленный, приставленный кусок, приставка, свита, конвой’ (там же: 639), а также османск. *koşundu* ‘примесь, помесь’, ‘лицо, присоединенное к другому, сопровождающее другого и т.д.’, и *koşundula* ‘помесь’ (там же: 641), караимск., татарск. *koşul* ‘быть приставленным, присоединенным, сопровождаться’ (там же: 642), татарск., чагатайск. *koşul* ‘прибавляться, увеличиваться’ (там же: 642), чагатайск. *koşuldur* ‘присоединить’ (там же: 642), османск. *koşucu* ‘присоединяющий что к чему’ (там же: 642), *koştur* ‘велеть придать, дать конвой’ (там же: 644), чагатайск., вост.-тюрк. *koşmak* ‘соединенный, составной’ (там же: 645), телеутск. *кожык* ‘приправа, примесь’, *кожыкту* ‘смешанный, приправленный’ (там же: 648), *кожикту* ‘сплавленный, нечистый’ (там же: 649), телеутск., шорск., лебединск., алтайск., чулымск. *кожыл* ‘прибывать, прибавиться’, ‘присоединиться’, ‘смешиваться’ (там же: 648). В южно-сибирских наречиях ряд представлен словами: барабинск., шорск. *кожа* ‘вместе’ (там же: 646–647), алтайск., телеутск., лебединск. *кожо* ‘вместе’ (там же: 647). Некоторая группа слов этого ряда несет уточненную семантику сопроводительного действия. Близкое значение у шорск. *кожаныш* ‘ходатайствовать, заступиться, составлять свиту’ (там же: 647). Близок по смыслу чагатайск., вост.-тюрк. и татарск. глагол *кош* ‘приказать’ (там же: 638), хотя, по реконструкции А.В. Дыбо и О.А. Мудрака, исходным является пратюркский глагольный корень **q(ʼ)ol(ə)-* ‘велеть’ (СИГТЯ 2006: 168).

Г. Дёрфер показал связь термина *qoş* ‘место стоянки’ с глагольной основой **qo-* ‘соединять’ (Doerfer 1967: 362–364). Ср. сагайск., койбальск., казахск. *кос* ‘пара’ (Радлов 1899а: 622), чагатайск. *коша* ‘двойной, парный’ (там же: 638). Согласно реконструкции А.В. Дыбо и О.А. Мудрака, существовал пратюркский корень **qoṭu-* ‘добавить’ (СИГТЯ 2002: 168). Ср. монг.-письм. *qolba-* ‘соединять’, ‘слагать, сочинять’ (Щербак 1997: 178). Однако, позже А.В. Дыбо указала, что ряд, связанный с **kol* ‘пара, соединение’, может относиться к другой семантической ветви, и привела тунгусо-маньчжурскую параллель **kuli-*, **kuli-ti-* ‘огораживать’, восходящую, видимо, к праалт. **kul’o* ‘огороженное место’ (СИГТЯ 2006: 786; Дыбо 2008: 223–224). А.В. Дыбо видит транскрипцию этой формы в сочетании *оу-то* 歐脫 > **xol-ut* ‘становище, лагерь’ (там же: 223, 237 прим. 18).

Тем не менее такое сосуществование значений одного корня заставляет нас обратиться к еще одному слову: османск., чагатайск., вост.-тюрк. *кошун* ‘армия, войско’ (Радлов 1899а: 641). По фонетике это слово идентично приведенному выше чагатайск., османск. глаголу *кошун* ‘придаваться, примешиваться, присоединяться’ (там же). Существует многозначное чагатайск., уйгурск. *кош* ‘ставка, лагерь, войско’ (там же: 636). По И.В. Кормушину, исходной формой была **qoş* ‘место стоянки, стан, кочевой лагерь’ (СИГТЯ 1997: 491). Г. Дёрфер считает термин *хоşун* монгольским (Doerfer 1963: 406–410). Очевидно, *хоşун* < монг. *хоş* ‘двойной, пара’ < тюрк. **qoş* (Menгес 1979: 113).

По мнению С.П. Толстова, между рядом тюркских фонетически близких основ *кōч-кōш* || *кош* существует прямая этимологическая связь. Он предположил принадлежность к одному семантическому ряду, во-первых, корней слов со значением передвижения, перекочевки и присоединения, смешения, а, во-вторых, близость этой группы с группой корней со значением ставки, лагеря, армии и т.д. (Толстов 1938: 79). Однако это пока что не более чем гипотеза.

Необходимо обратить внимание также на следующий ряд значений: османск. *кошу* ‘толпа, куча людей’ (Радлов 1899а: 640), а также *кошаиш* ‘сбежаться, прибегать толпой’ (там же: 639), тёллōск. *кожѳн* ‘множество’ (там же: 649).

Представляется вероятной этимология термина *қазақ* именно от второго корня: *qazaq* < *qaz--qad--qat-* ‘смешиваться’ (ДТС: 432), где форма *qaz-* – обычный для кыпчакских языков вариант (ср. у Махмуда Кашгарлы, кыпч. *qazın* ‘деверь, шурин’, ‘сват’, ‘родственник (по браку)’) (МК I: 403; ДЛТ: 380; ДТС: 647), либо путем присоединения аффикса *-q* с характерной огласовкой соединительного гласного, уподобляющегося

гласному корня (*Кононов* 1980: 36, 37), либо путем образования переходной формы *gaza-* с дальнейшим прибавлением имяобразующего аффикса *-q*.

Так или иначе, рассматривая две приведенные группы корней, независимо от того, имеется ли между ними близость или нет, можно говорить, что они независимо друг от друга демонстрируют некоторую эволюцию семантических значений, весьма удачно накладывающуюся на очерченный выше процесс преобразования бродячих кочующих групп в организованные военизированные единицы, т.е. на процесс образования нового типа общественной организации.

Весьма уместно вспомнить слова К. Маркса: “У кочевых пастушеских племен община всегда на деле собрана вместе; это общество спутников (*Reisegesellschaft*), караван, орда, и формы субординации развиваются из условий этого образа жизни” (*Маркс* 1940: 24). Поскольку основной задачей данных групп было выживание, то представляется верным утверждение, что формой общественного взаимодействия в таких группах был *курень*.

Как известно, Б.Я. Владимирцов связывал образование классового общества и, соответственно, раннефеодальных отношений, у монголов непосредственно с переходом от куренного способа кочевания, т.е. общинного хозяйства (*Владимирцов* 2002: 332–333), к аильному способу кочевания – индивидуальному хозяйству (там же: 349–350, 409–410). Сохранение куреней рассматривалось им как пережиток первобытно-общинного строя. Однако, позже было доказано сосуществование куреней и аилов, когда смена способа кочевания диктовалась лишь внутренней ситуацией в степи: куренная система, связанная с соображениями безопасности, господствовала в степи в неспокойное время, сменяясь аильной, когда твердая и сильная верховная власть прекращала усобицы и взаимные грабежи (*Гумилев* 1993а: 70; *Марков* 1961: 204–205; 1976: 56; *Викторова* 1968: 568; *Хазанов* 1975: 269; *Таскин* 1984: 21–22).

Как пишет Рашид ад-Дин, “значение [термина] курень следующее: когда множество кибиток располагаются по кругу и образуют кольцо в степи, то их называют курень” (*Рашид ад-Дин* 1952: 18). И в другом месте: “значение [термина] курень – кольцо” (там же: 86, 120). Происхождение куренного построения мы можем увидеть там же: “В давние времена, когда какое-нибудь племя останавливалось в какой-либо местности, оно [располагалось] наподобие кольца, а его старейшина находился в середине [этого] круга, подобно центральной точке; это и называли курень. И в настоящее время, когда вблизи находится вражеское войско, они [монголы] тоже располагаются в таком же виде для того, чтобы враги и чужие не проникли внутрь [стана]” (там же: 86–87). Получается, с одной стороны, курень – это лишь оборонительное построение повозок, но с другой стороны, как видно из следующего дополнения иранского автора, курень – это еще и коллектив, организованный по общинному принципу: “В ту эпоху тысячу кибиток, располагавшихся таким образом, считали за один курень. Согласно этому [счету], то племя [составляло бы] семьдесят тысяч кибиток [ханэ]” (там же: 18). Кроме того, курень представляется нам формой социально-экономического взаимодействия, носивший изначально именно организационный характер, нежели кровно-родственный. Это было чем-то вроде соседской общины, создание которых проходило по военным и хозяйственным соображениям. Характерно, что в “Юань-чао би-ши” слово *terge'ür*, означающее стену, деревню, тропу, большую дорогу, ограждение (*küriyen*) и могильную насыпь, этимологически связанное с *tergen* ‘телега’, обозначается иероглифом 籬 с буквальным значением ‘изгородь’ (*Clauson* 1962: 224).

Подобного рода построение весьма распространено. Оно известно еще у “скифских” племен Фракии [Зосим, XXXI, 2, 18] (цит. по: *Марков* 1976: 281), а также у южных славян (*Феофилакт* 1995: 31), кроме того, его активно использовали кочевники в различных регионах степной Евразии: тйелэсцы на Алтае и в Западной Монголии (Материалы 1984: 401; *Бичурин* 1950: 215), аланы в Предкавказье [Аммиан Марцеллин, XXXI, 2, 17] (*Аммиан Марцеллин* 1908: 492), хазары на Кавказе (*Артамонов* 1962:

207), кидане в Приморье (*Кычанов* 1997: 127, 145), огузы в Средней Азии (*Агаджанов* 1969: 67), печенеги в Причерноморье [Алексиада, VIII, 5] (*Анна Комнина* 1996: 235). Этот эффективный тип построения взяли в XVII в. и казаки в Причерноморье (*Ляско-ронский* 1901: 24).

Зафиксированный обычай кругового расположения кибиток у казахов (*Андреев* 1998: 43) также, несомненно, восходит к куренному построению, наиболее удобному для обеспечения безопасности людей и охраны скота. Так разведчик Н.П. Игнатъев и его спутники, опасаясь воров, расположили свое ночное стойбище подобно курену (*Игнатъев* 1897: 51). Э. Хара-Даван писал, что калмыки и в нач. XX в. для защиты от воров ставили кибитки в круг – *хотон*, внутри которого ночевал скот (*Хара-Даван* 2008: 69). Н.Н. Харузин, ссылаясь на работу И.А. Житецкого, пишет, что *хотоны* калмыков изначально состояли из лиц, находившихся в ближайшем родстве, в дальнейшем же туда стали приниматься самые разные люди. Главным принципом общинного бытования было стремление к самозащите (*Харузин* 1896: 49). У Абу-л-Гази описан процесс образования одного из туркменских племен: “Четыре могола [т.е. узбека – Авт.] пришли и, поступив в батраки (*јатим*) к Хыз(д)ыр-чора, присматривали за его скотом. Затем пришли шесть салоров и поступили в батраки. Все они разбогатели. Со всех сторон и окрестностей приходили голодные, истощенные, разоренные и ограбленные, – присоединялись к ним и селились [здесь]; [так] образовался многочисленный иль” (*Кононов* 1958: 76).

Куренное кочевание, как показал Ч. Далай, наблюдалось в Монголии во все периоды. Очевидно, что *курень* – групповая форма кочевания, основанная на одном из следующих принципов: (1) кочевание группы зависимых людей с их хозяйствами вместе со своим господином, вокруг юрты которого они располагали свои; (2) кочевание группы скотоводов для облегчения совместного труда и обороны (*Далай* 1983: 87–88). Иными словами, куренное кочевание нельзя рассматривать как показатель какой-либо стадии общественного развития.

Курень, таким образом, изначально был естественной формой организации и всегда оставался формой совместного существования как на уровне родственных, так и своеобразных соседских общин, не предусматривающих обязательной кровнородственной связи между ее членами.

Такое явление как *казакование* уже рассматривалось в работах С.А. Плетневой, но она определяла его как *таборную форму кочевания*, начальную стадию развития общественных отношений у кочевников, характеризующуюся, в первую очередь, поиском благоприятных по своим природным условиям земель для расширения пастбищ и охотничьих угодий. Само подобное состояние кочевых групп С.А. Плетнева определяет через понятие *нашествия* (*Плетнева* 1982: 13–14).

С.А. Плетнева, писавшая о закономерностях развития кочевников, полагала, что *нашествие* – обязательный начальный этап общественного развития кочевников. В нашествия могут “вступать” любые по численности объединения – от одной семьи до нескольких родов. Для больших подразделений С.А. Плетнева предложила такой термин как *орда* – “сообщество некровнородственных, экономически и социально неравных семей, включающих даже чужеземцев” (там же: 38–39). Это – этническое и наиболее широкое значение термина. Так путешественник Дж. Барбаро, посетивший в 1438 г. Причерноморские степи, отождествлял *орду* с народом, населением (*lordò zoè populo*) (*Барбаро* 1997: 130 прим. 40), в другом месте называя таким образом ставку (там же: 136). Л.Н. Гумилев определял *орду* не как этническое, а военно-организационное понятие (*Гумилев* 1961: 20–21; 1993а: 60), “некоторое количество совместно живущих людей, определенным образом организованных”, характеризующееся как высшая форма военной демократии. При этом обязательной является именно организация, а не общность происхождения, языка, религии или нравов (*Гумилев* 1993б: 74). Подобное значение данного термина будет характерно и для следующих эпох. По-

следнее определение Л.Н. Гумилевым орды как социальной величины было наиболее четким: “Орда – это дружина эпохи военной демократии, но иногда приравняемая ко всему народу” (Гумилев, *Эрдейи* 1969: 79).

Н.Я. Бичурин полагает, что *ordo* – это монгольское слово, означающее местопребывание, ставку хана. В китайских источниках ему соответствует сочетание иероглифов *гон-дин* 宮殿 (*Бичурин* 1950: 49 прим. 79) с буквальным значением ‘дворец’. В словаре “Хуа-и и-юй”, сборнике монгольских наречий времен династии Мин 1389 г., встречается монгольское сочетание *ordó ger*, где *гэр* – это войлочная юрта, перевозимая на кибитке. По Г. Дёрферу и О.А. Мудраку, сочетание переводится как ‘palace’ (*Doerfer* 1965: 37; Хуа-и и-юй). С.А. Козин перевел это сочетание как ‘княжеские юрты’ или ‘дворцы’, ‘хоромы’, ‘дворцовые юрты’, ‘дворцовые юрты-телеги’, ‘двор государев’ (СС: §§ 177, 190, 229, 232–234, 278). Ср.: *Ordo(-in) ger* ‘юрты-телеги’ (там же: § 232).

В китайских источниках для обозначения походной юрты употребляется термин *чжан* 帳 (*Кычанов* 1997: 12). Для обозначения ставок кочевнических предводителей, например, сяньбэйских вождей или тюркских каганов, иногда используется термин *тин* 廳 (там же: 55–56, 102), означающий ‘ставка’, ‘место пребывания правителя’ (там же: 282). Чаще используется термин *я-чжан* 牙帳, где *я* 牙 – ‘знамя’, что буквально можно перевести как ‘ставка со знаменем’ (там же). Именно этим термином обозначаются резиденции тюркских и уйгурских каганов (там же: 101, 122).

В словаре Махмуда Кашгарлы *ordu* переводится как ‘ставка хакана, город’ (МК I: 124; ДЛТ: 153; *Gömeç* 2009: 21). Ср. в “Ырк битиг” (“Гадательная книга”): *Qan olurukan ordo jarmış* ‘Хан, воссев [на престол] (т.е. воцарившись), [новую] ставку основал’ [ЫБ, 28] (*Tekin* 1993b: 16, 17; Ср.: *Кляшторный* 1992: 13). Ни перевод ‘дворец’ (*Малов* 1951: 87), ни ‘резиденция’ (ДТС: 235) здесь явно не подходят. *Özi süsi ögirä sebinü ordusijaru kelir* ‘[Он] сам [и] войско [его] в ставку возвращались’ [ЫБ, 34]. Дж. Клосон считает первичным значением термина *ordo* именно ‘местопребывание (лагерь) правителя’ (> ‘военный лагерь’ > ‘войско’) (EDPT: 203). Несомненно, термин связан с *ortu* ‘середина, центр’ (МК I: 124; ДЛТ: 152). Однокоренные слова встречаются в тех же Хошо-Цайдамских памятниках [КТ, Хб, 2 = БК, Хб, 2] (*Малов* 1951: 27).

Считается, что первое упоминание термина *ordo* 𐰽𐰺𐰍 в источниках фиксируется в памятнике Кюль тегина: ‘Огузы враждебные [на] орду напали’ (*Oyuz jayı orduy basdı*) [Кб, 8]. С.Е. Малов истолковал его как ‘становище’ (*Малов* 1951: 42). Но, по мнению некоторых специалистов, термин впервые встречается в китайской транскрипции *ou-to* 歐脫~鸥脱 в “Ши цзи” у хуннов (*Hirth* 1900: 222; *Doerfer* 1965: 35; Материалы 1968: 39, 131–132; 1973: 142; *Tekin* 1993a: 17–19), затем несколько раз в “Хань шу”, где в эпизодах, связанных с хуннами, выступает в значении значительного вооруженного лагеря (*Doerfer* 1965: 35, 39; *Кюнпер* 1961: 209 прим. 4; Материалы 1968: 131–132; *Кычанов* 1997: 20–22)⁵. Такое мнение подтверждается возможностью происхождения термина *orta* от глагола *or-* ‘класть’, ‘ставить’, ‘помещать’ (ЭСЯ, 1974: 475; СИГТЯ 1997: 495). Согласно реконструкции А.В. Дыбо и О.А. Мудрака, существовало пратюрк. **or’ta* (СИГТЯ 2002: 170). В другой работе А.В. Дыбо возводит термин к форме **ordo* ‘ханская ставка, войско’, которое она считает заимствованием из монгольского и связывает с монг. *orun* ‘место’ > ‘ханский дворец, резиденция’ (*Дыбо* 2008: 236–237), которое сама полагает возможным видеть в названии хуннского города *Лун* 權.

Китайский источник “Синь Тан шу” упоминает о “золотой орде” (я-чжан 牙帳) уйгурского кагана, который “обыкновенно сидел в золотой палатке” (*Бичурин* 1950: 355–356; *Кычанов* 1997: 122). Золотой шатер кагана уйгуров, возвышавшийся над территорией, упоминают Ибн Хордадбех (*Ибн Ходадбех* 1986: 65) и Ибн ал-Факих (*Асадов* 1993: 65) (*khaima* الخيمة ‘шатер’, ‘палатка’) (ср.: *Hudud al-Alam* 1937: 279). В золотом шатре каган западных тюрков принимал византийского посла Зимарха [Мен., 20] (*Дестунис* 1860: 375–378). Золотая палатка встречается у ханов в легенде об Огуз

кагане (Кононов 1958: 48, 50). Обладать золотым шатром стремился ильхан Газан хан. На его возведение ушел целый месяц (Рашид ад-Дин 1946: 189–190). О золотом шатре у монголов повествует “Хэй да ши люе”, китайский источник 20-х гг. XIII в. (Линь Кюн-и, Мункуев 1960: 138), где также место расположения шатра правителя называется *во-ли-до* 斡兒朵, что являет собой китайскую транскрипцию слова *орда* (там же: 138 прим. 54), а место становища всей совокупности шатров родственников и подданных правителя вокруг его шатра именуется “большой ордой” (*йе-ке во-ли-до* 也克斡兒朵 < монг. *yeke ordu*) (там же: 138 прим. 56). “Золотой ордой” именовалась ставка (*во-лу-до* 斡魯朵) одного из киданьских императоров (Кычанов 1997: 143). А.В. Дыбо интерпретирует киданьский термин как ‘дворцовая стража’ (Дыбо 2008: 237). В “Юань ши” это же сочетание также встречается в форме *во-лу-до* 斡魯朵 (Храпачевский 2005: 488 сн. VIII). Европейский миссионер Дж. Плано Карпини, посетивший Монголию во время путешествия 1246–1247 гг., также пишет, что *ордами* у монголов называются “становища императора и вельмож” (Плано Карпини 1957: 69, 73), расшитый же золотом ханский шатер именовался “Золотой Ордой” (там же: 76). Побывавший в Монгольской империи шесть лет спустя монах Г. Рубрук описывает становище Бату как скопление палаток и домов на колесах вокруг его шатра. “Отсюда двор на их языке называется ордой, что значит середина” (Рубрук 1957: 119).

Таким образом, перед нами предстают примеры обыкновенных стойбищ, расположенных, однако, в определенном строгом порядке – юрты подчиненных группируются вокруг юрты предводителя (Кляшторный, Султанов 2000: 194–195, 199; Султанов 2007: 80–83). Соответствующая организация была свойственна и политическим объединениям кочевников Монголии. Г.А. Федоров-Давыдов, развивший точку зрения Л.Н. Гумилева, показал, что из составлявших орду оторванных от родовых связей дружинников хана зарождается чиновничий аппарат (Федоров-Давыдов 1973: 63–67). Орда, как указывает Е.И. Кычанов, – это, прежде всего, “место размещения гвардии императора, императорская ставка”, а все приписанные к ней люди – персонал, обеспечивающий ее главную функцию – охрану правителя (Кычанов 1997: 143). У нас нет причин сомневаться в том, что *орды* восходят к *курням*, являя собой лишь позднейшую модификацию общинной организации. Показательно, что армия киданей именовалась *да-чжан* 大帳 ‘большая юрта’ (там же: 144). Надо полагать, это косвенно подтверждает то мнение, что формы политического управления развиваются у кочевников из более мелких по масштабу внутриобщинных отношений.

Таким образом, мы можем убедиться в том, что термин *казаклык* обозначает закономерное социальное явление, предшествующее появлению новых крупных политических объединений кочевников, в основе которых лежали не родоплеменные связи, а военные узы. Военизированные общины являлись первичным элементом будущих кочевнических политических объединений, а механизмы регулирования внутриобщинных взаимодействий, таких как кооперация труда и взаимная оборона, переносились на более масштабный уровень, модифицируясь в механизмы политической системы.

Примечания

¹ Расширенный и переработанный текст доклада, прочитанного на конференции “Проблемы формирования текста и культуры древней и средневековой Индии и Центральной Азии” (“Рериховские чтения”) в ИВ РАН 30.11.2010.

² При передаче фонологической транскрипции звуков мы использовали международную академическую транскрипцию, основанную на латинице. Однако, при передаче терминов из различных языков мы сознательно отказались от унификации транскрипционных знаков, приводимых в работах других исследователей. Цитируемые или извлеченные из других работ транскрипции тюркских, китайских и др. слов приводятся в оригинальном авторском написании, поэтому в тексте встречаются разночтения и расхождения в графическом написании одних и тех же слов.

³ Сводки см.: *Doerfer* 1967: 462–468; *Юдин* 2001. Весь предлагаемый исследователями спектр значений см.: *Мынбаев* 2010: 26–27. Гипотеза самого В.П. Юдина о связи термина *қазақ* с корнем *қазау-* ‘приобретать, добывать’ не может быть принята. Гипотеза Н.Ж. Мынбаева невероятна, т.к. не имеет филологического обоснования.

⁴ Ниже мы опираемся исключительно на словарь В.В. Радлова, т.к. он является первым сводом сравнительной тюркской лексики, и представленные в нем фонетические формы и лексические значения отдельных слов с некоторыми оговорками могут рассматриваться как некоторая устойчивая исходная точка для изучения фонетических изменений и семантической эволюции тюркской лексики.

⁵ Ю.А. Зуев также обратил внимание на то, что термин *оу-то* иногда относился к группе зависимого народа, из чего заключил, что *оу-то* означал «обязанность быть “караулом” и барьером на пограничном рубеже, принимать авангардное участие в военных операциях сюзерена» (*Зуев* 2002: 16–17). Некоторые авторы считают *оу-то* городами (*Кляшторный* 1977: 64; *Кызласов* 2009: 99).

Сокращения названий памятников

- БК, X – большая надпись стелы Бильге кагана.
- БК, Ха – продолжение большой надписи Бильге кагана на левой боковой стороне.
- БК, Хб – малая надпись Бильге кагана.
- Кб – боковая надпись стелы Кюль тегина.
- КТб – большая надпись стелы Кюль тегина.
- КТ, Хб – малая надпись стелы Кюль тегина.
- КЧ – стела Кули чура.
- МШУ – памятник Могойн Шине Усу (Селенгинский камень).
- Тер – Терхинская (Тариатская) надпись.
- Тон – стела Тоньюкука.
- ЫБ – Ырк Битиг (Гадательная книга).

Литература

- Агаджанов* 1969 – *Агаджанов С.Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад, 1969.
- Алиханов-Аварский* 1899 – *Алиханов-Аварский М.* Поход в Хиву (кавказских отрядов). 1873. Степь и оазис. 1899. СПб., 1899.
- Аммиан Марцеллин* 1908 – *Аммиан Марцеллин.* Римская история / Пер. с лат. Ю. Кулаковского. Киев, 1908. Т. I–III.
- Андреев* 1900 – *Андреев А.П.* Туркменский суд // Исторический вестник. 1900. № 8. С. 524–555.
- Андреев* 1902 – *Андреев А.П.* Туркменский Аламан. (Эскиз) // Исторический вестник. 1902. № 7. С. 109–141.
- Андреев* 1998 – *Андреев И.Г.* Описание средней орды киргиз-кайсаков / Сост., транскр. скорописи XVIII в., спец. редак. текста и комм. И.В. Ерофеевой. Алматы, 1998.
- Анна Комнина* 1996 – *Анна Комнина.* Алексиада / Вступ. ст., пер., коммент. Я.Н. Любарского. СПб., 1996.
- Артамонов* 1962 – *Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962.
- Асадов* 1993 – Арабские источники о тюрках в раннее средневековье / Пер. Ф.М. Асадова. Баку, 1993.
- Барбаро* 1997 – *Иосафат Барбаро.* Путешествие в Тану // Каспийский транзит. Т. 2 / Арабски истории. Вып. 6. Мир Льва Гумилева. М., 1997. С. 125–180.
- Бартольд* 1963 – *Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана // *Бартольд В.В.* Соч. в 9 т. Т. II Ч. 1: Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. М., 1963. С. 169–433.
- Бартольд* 1968 – *Бартольд В.В.* Казак // *Бартольд В.В.* Соч. в 9 т. Т. V: Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 1968. С. 535.
- Бернштам* 1951 – *Бернштам А.Н.* Очерк истории гуннов. Л., 1951.

- Бичурин* 1950 – *Бичурин Н.Я. [Иакинф]*. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / Редакция текста, вступ. ст., комм. А.Н. Бернштама и Н.В. Кюнера. М.-Л., 1950. Т. I.
- Бланкеннагель* 1858 – Замечания майора Бланкеннагеля, впоследствии поездки его из Оренбурга в Хиву в 1793–94 годах. Издано с объяснениями В.В. Григорьевым. СПб., 1858.
- Валиханов* 1985а – *Валиханов Ч.Ч.* Записки о киргизах // *Валиханов Ч.Ч.* Собр. соч. в 5-и т. Т. II. Алма-Ата, 1985. С. 7–89.
- Валиханов* 1985б – [*Валиханов Ч.Ч.*] [Статьи из географического-статистического словаря российской империи] // *Валиханов Ч.Ч.* Собр. соч. в 5-и т. Т. II. Алма-Ата, 1985. С. 197–208.
- Вамбери* 2003 – *Вамбери А.* Путешествие по Средней Азии / Пер. с нем. З.Д. Голубевой под ред. В.А. Ромодина; Предисл. В.А. Ромодина; Комментар. В.А. Ромодина, С.Г. Агаджанова. М., 2003.
- Викторова* 1968 – *Викторова Л.Л.* Становление классового общества у древнемонгольских кочевников // Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. I. М., 1968. С. 546–575.
- Владимирцов* 2002 – *Владимирцов Б.Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм // *Владимирцов Б.Я.* Работы по истории и этнографии монгольских народов. М., 2002. С. 295–488.
- Гумилев* 1961 – *Гумилев Л.Н.* Орды и племена у древних тюрков и уйгуров // Материалы по этнографии ВГО. 1961. № 1. С. 15–26.
- Гумилев* 1993а – *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. М., 1993.
- Гумилев* 1993б – *Гумилев Л.Н.* Хунну. Степная трилогия. СПб., 1993.
- Гумилев* 2006 – *Гумилев Л.Н.* Поиски вымышленного царства (Легенда о “государстве пресвитера Иоанна”). М., 2006.
- Гумилев, Эрдейи* 1969 – *Гумилев Л.Н., Эрдейи И.* Единство и разнообразие степной культуры Евразии в средние века // Народы Азии и Африки. 1969. № 3. С. 78–87.
- Далай* 1983 – *Далай Ч.* Монголия в XIII–XIV вв. М., 1983.
- Дестунис* 1860 – Византийские историки: Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менадр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец, переведенные с греческого Спиридоном Дестунисом. Примечания Гавриила Дестуниса. СПб., 1860. С. 311–470.
- ДЛТ – *Махмуд ал-Кашгари.* Диван Лугат ат-Турк / Пер., предисл. и коммент. З.-А.М. Ауэзовой. Алматы, 2005.
- ДТС – Древнетюркский словарь / Под ред. В.М. Надеяева, Д.М. Насилова, Э.Р. Тенишева, А.М. Щербака. Л., 1969.
- Дыбо* 2008 – *Дыбо А.В.* Материальный быт ранних тюрков. Жилище // Природное окружение и материальная культура пратюркских народов / Отв. ред. А.В. Дыбо. М., 2008. С. 219–272.
- Жумаганбетов* 2003 – *Жумаганбетов Т.С.* К проблеме суверенитетных и гражданских прав в древнетюркских каганатах // Вестник ОГУ. 2003. № 3. С. 154–158.
- Зуев* 2002 – *Зуев Ю.А.* Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы, 2002.
- Ибн Хордадбех* 1986 – *Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран / Пер. Н.М. Велихановой. Баку, 1986.
- Игнатъев* 1897 – Миссия в Хиву и Бухару в 1858 году флигель-адъютанта полковника Н.П. Игнатъева. СПб., 1897.
- Кляшторный* 1977 – *Кляшторный С.Г.* Древние города Монголии // Древние города. Материалы к Всесоюзной конференции “Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья” (Пенджикент, октябрь 1977 г.). Л., 1977. С. 64–65.
- Кляшторный* 1980 – *Кляшторный С.Г.* Терхинская надпись (Предварительная публикация) // Советская тюркология. 1980. № 3. С. 82–95.
- Кляшторный* 1992 – *Кляшторный С.Г.* Эпические сюжеты в древнетюркских рунических памятниках // Восток. 1992. № 5. С. 5–17.
- Кляшторный, Савинов* 2005 – *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи древней Евразии. СПб., 2005.
- Кляшторный, Султанов* 1992 – *Кляшторный С. Г., Султанов Т.И.* Казахстан: летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992.
- Кляшторный, Султанов* 2000 – *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2000.
- Кононов* 1958 – *Кононов А.Н.* Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-гази, хана хивинского [Исследование, тексты, перевод]. М.-Л., 1958.

- Кононов 1980 – Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. Л., 1980.
- Котвич 1962 – Котвич В. Исследование по алтайским языкам / Пер. с польск. М., 1962.
- Крадин 2007 – Крадин Н.Н. Кочевники Евразии. Алматы, 2007.
- Кызласов 2009 – Кызласов И.Л. Новые поиски в алтаистике II. Археологические разработки // Древности Сибири и Центральной Азии. 2009. № 1–2 (13–14). С. 95–130.
- Кычанов 1997 – Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997.
- Кюнер 1961 – Кюнер Н.В. Китайские известия о народах южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.
- Левшин 1996 – Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы, 1996.
- Линь Кюн-и, Мункуев 1960 – Линь Кюн-и, Мункуев Н.Ц. “Краткие сведения о черных татарах” Пэн Да-я и Сюй Тина // Проблемы востоковедения. 1960. № 5. С. 136–144.
- Ляскоронский 1901 – Ляскоронский В.Г. Гийом Левассер-де-Боплан и его историко-географические труды относительно Южной России. Киев, 1901.
- Малов 1951 – Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.-Л., 1951.
- Малов 1959 – Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.-Л., 1959.
- Марков 1961 – Марков Г.Е. Очерки истории формирования северных туркмен. М., 1961.
- Марков 1976 – Марков Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976.
- Маркс 1940 – Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940.
- Материалы 1968 – Материалы по истории сюнну (по материалам китайских источников) / Предисл., пер. и примеч. В.С. Таскина. Вып. 1. М., 1968.
- Материалы 1973 – Материалы по истории сюнну (по материалам китайских источников) / Предисл., пер. и примеч. В.С. Таскина. Вып. 2. М., 1973.
- Материалы 1984 – Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / Введ., пер. [с кит.] и коммент. В.С. Такскина. М., 1984.
- Мейендорф 1975 – Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975.
- Менгес 1979 – Менгес К.Г. Восточные элементы в “Слове о полку Игореве”. Л., 1979.
- Мынбаев 2010 – Мынбаев Н.Ж. Общетюркская, казахская этнонимия в пантопохронии и проблемы типологической универсалии: автореф. дисс. ... д-ра. фил. н.: 10.02.06. – тюркские языки. Алматы, 2010.
- Палладий 1866 – Палладий [Кафаров]. Старинное монгольское сказание о Чингисхане // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. IV. СПб, 1866. С. 3–260.
- Перици 1994 – Перици А.И. Война и мир на пороге цивилизации. Кочевые скотоводы // Война и мир в ранней истории человечества: в 2 т. М., 1994. Т. 2. С. 129–244.
- Перици, Хазанов 1979 – Перици А.И., Хазанов А.М. Община у кочевых скотоводов // Народы Азии и Африки. 1979. № 2. С. 51–60.
- Пичугин 1872 – Пичугин П. Вторжение коканцев в Алатавский округ в 1860 году // Военный сборник. 1872. № 5. С. 5–40.
- Плано Карпини 1957 – Джиовани дель Плано Карпини. История Монгалов / Пер. А.И. Малейна // Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 23–83.
- Плетнева 1982 – Плетнева С.А. Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей. М., 1982.
- Радлов 1899а – Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1899. Т. II. Ч. 1.
- Радлов 1899б – Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1899. Т. II. Ч. 2.
- Рашид ад-Дин 1946 – Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т.3. / Пер. с перс. А.К. Арендса. М.-Л., 1946.
- Рашид ад-Дин 1952 – Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т.1. Кн.2. / Пер. с перс. О.И. Смирновой. М.-Л., 1952.
- Рубрук 1957 – Рубрук Г. Путешествие в Восточные страны / Пер. А.И. Малейна // Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 85–194.
- Северцов 1860 – Месяц плена у кокандцев. Сочинение Николая Северцова. С картой низовьев Сыр-Дарьи. СПб., 1860.

- СИГТЯ 1997 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / Отв. ред. Э.Р. Тенишев. М., 1997.
- СИГТЯ 2002 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции / Под ред. Э.Р. Тенишева. М., 2002.
- СИГТЯ 2006 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / [Отв. ред. Э.Р. Тенишев, А.В. Дыбо]. М., 2006.
- СС – Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongyol-un Niγusa tobciyan*. Юань Чао Би Ши. Монгольский обыденный изборонок / Введ. в изуч. памятника, пер. с монг., тексты, глоссарии С.А. Козина. Т. I. М.-Л., 1941.
- Старостин 1989 – *Старостин С.А.* Реконструкция древнекитайской фонологической системы. М., 1989.
- Султанов 2007 – *Султанов Т.И.* Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М., 2007.
- Таскин 1984 – *Таскин В.С.* Введение. Значение китайских источников в изучении древней истории монголов // Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / Введ., пер. [с кит.] и коммент. В.С. Такскина. М., 1984. С. 3–62.
- Толстов 1938 – *Толстов С.П.* К истории древнетюркской социальной терминологии // Вестник Древней истории. 1938. № 1. С. 72–81.
- Толыбеков 1959 – *Толыбеков С.Е.* Общественно-экономический строй казахов в XVII–XIX вв. Алма-Ата, 1959.
- Туркмены 1872 – [Неизв.] Туркмены иомудского племени // Военный сборник. 1872. № 1. С. 65–88.
- Федоров-Давыдов 1973 – *Федоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.
- Феофилакт 1995 – *Феофилакт Симокатта.* История // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2.: (VII–IX вв.) / Сост. С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин, В.К. Ронин; Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1995. С. 14–44.
- Хазанов 1975 – *Хазанов А.М.* Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М., 1975.
- Хазанов 2002 – *Хазанов А.М.* Кочевники и внешний мир. Изд. 3-е, доп. Алматы, 2002.
- Хара-Даван 2008 – *Хара-Даван Э.* Чингисхан. Великий завоеватель. М., 2008.
- Харузин 1896 – *Харузин Н.Н.* История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России. М., 1896.
- Хелимский 2003 – *Хелимский Е.[А.]* Тунгусо-маньчжурский языковой компонент в Аварском каганате и славянская этимология // Материалы к докладу на XIII Международном съезде славистов. Люблина, 15–21 августа 2003. Hamburg, 2003.
- Храпачевский 2005 – *Храпачевский Р.П.* Военная держава Чингисхана. М., 2005.
- Хуа-и и-юй – Тематический словарь Хуа-и и-ю. На основе росписи проф. Мудрака О.А. (<http://www.altai.ru/SECRET/huaidict.htm>)
- Щербак 1997 – *Щербак А.М.* Ранние тюркско-монгольские языковые связи (VIII–XIV вв.). СПб., 1997.
- ЭСТЯ 1974 – *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974.
- ЭСТЯ 1980 – *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву “В”, “Г” и “Д”. М., 1980.
- Юдин 2001 – *Юдин В.П.* Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда. Алматы, 2001.
- Clauson 1962 – *Clauson G.* Turkish and Mongolian Studies. L., 1962.
- Doerfer 1963 – *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Bd. I: Mongolische Elemente im Neupersischen // Veröffentlichungen der Orientalischen Kommission. Bd. XVI. Wiesbaden, 1963.
- Doerfer 1965 – *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Bd. II: Türkische Elemente in Neupersischen // Veröffentlichungen der Orientalischen Kommission. Bd. XIX. Wiesbaden, 1965.
- Doerfer 1967 – *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Bd. III: Türkische Elemente im Neupersischen // Veröffentlichungen der Orientalischen Kommission. Bd. XX. Wiesbaden, 1967.
- EDPT – *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972.

- Erdal* 1977 – *Erdal M.* Irk Bitig Üzerine Yeni Notlar // Irk Bitig üzerine yeni notlar. Türk Dili Araştırmaları Yıllığı, 1977 (1978). S. 87–119.
- Gömeç* 2009 – *Gömeç S.* Divanü Lûgat-it-Türk'te Geçen Yer Adları // Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi. Tarih Araştırmaları Dergisi. 2009. Cilt 28 Sayı 46. S. 1–36.
- Hirth* 1900 – *Hirth F.* Sinologische Beiträge zur Geschichte der Türkvölker. I. Die Ahnentafel Attilas nach Johannes von Thuroz // Известия Императорской Академии Наук. 1900. Т. XIII. № 2. S. 221–261.
- Hudud al-Alam* 1937 – *Hudud al-Alam.* The Regions of the World. A Persian Geography 372 A.H. – 982 A.D. / Translated and explained by V. Minorsky. With the perface by V.V. Barthold transl. from the Russian. L., 1937.
- MK I* – Divanü Lûgat-it-Türk ve Tercümesi. Çeviren Besim Atalay. Ankara, 1985. Cilt I.
- Pulleyblank* 1991 – *Pulleyblank E.G.* A Lexicon of Reconstructed Pronunciation in Early Middle Chinese, Late Middle Chinese, and Early Mandarin. Vancouver, 1991.
- Tekin* 1993a – *Tekin T.* Hunların Dili. Ankara, 1993.
- Tekin* 1993b – *Tekin T.* Irk Bitig (the Book of Omens) // Turcologica. Bd. 18. Wiesbaden, 1993.
- Vámbéry* 1879 – *Vámbéry H.* Die primitive Cultur des Turko-Tatarischen Volkes auf Grund sprachlicher Forschungen. Leipzig, 1879.

V. V. Tishin. Kazaklyk as a Social Phenomenon

Keywords: kazak, kazaklyk, paramilitary groups, kuren, the Horde

In the current historiography of nomadism, the possibility of shaping political institutions in nomadic societies as a result of internal development is largely discounted. What is usually stressed is the static character of social organization of nomads, which is taken to be enveloped in the fluid kin or tribal enclosure. However, the sum of ethnographic, comparative historical, and linguistic data that are available allows us to isolate a particular social phenomenon in nomadic societies, which may be tentatively termed with the Turkic word *kazaklyk*. It refers to the existence of certain marginal elements excluded from the dominant system of social relations that is based on kin/tribal institutions. The author argues that they manifest a different, more progressive, form of social organization which develops along alternative lines.